

ЧЕЛЮСКИН

**МИХАИЛ
КАЛАШНИКОВ**

ЧЕЛНОСКИН

В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Калашников, Михаил Александрович.
К17 Челюскин. В плену ледяной пустыни / Михаил Калашников. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-189037-7

Зима 1934 года. Экспедиция Отто Шмидта готовится пройти Северный морской путь от Мурманска до Владивостока за одну летнюю навигацию. Но задуманный как очередная победа советской научной мысли проект с самого начала сталкивается с непредвиденными трудностями. Пароход «Челюскин» оказался не готов к столь суровым условиям Ледовитого океана. Попав в снежный плен, он несколько месяцев дрейфовал, потом был раздавлен льдами и затонул.

Экипажу удалось выгрузиться на лед. Но что делать дальше — пробиваться к берегу самостоятельно или ждать помощи с Большой земли? Челюскинцы понимают: надеяться нужно только на себя. В суровых арктических условиях они вступают в неравную схватку с безжалостной стихией...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189037-7

© Калашников М.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

— Не зевай, ватага! Гуще, гуще сыпь!

Плотник Яшка порожняком сбежал по сходням, спустился в темень угольного трюма, балагурил и подбадривал, ронял на ходу шутки, как мог веселил уставших людей. Среди «компаньонов» его — такая же плотницкая братия, матросы, кочегары, механики — рабочая кость. А кроме них, тут народ к тяжелому труду не приученный, все больше по научным и творческим сферам — гидрографы, биологи, метеорологи, геодезисты... Есть фотограф, художник и даже кинооператор. «Ноев ковчег» — как кто-то окрестил их плавучий дом, и, с легкой руки этого персонажа, нет-нет да и подхватит кто-нибудь, провожая с завистью гулявших по палубе: «Каждой твари по паре».

Утверждение не слишком правдивое: из сотни пассажиров на судне было только десять женщин, так что пары тут сложились далеко не у всех. Четверо полярников отправились в экспедицию с женами, кроме них — четыре уборщицы, есть женщины и среди научного состава.

Навигация длилась второй месяц, время в пути тянулось медленно, и пока не прибыли на место — царило безделье. Тесные каюты надоели, а пото-

му коротали светлые вечера в прогулках по палубе. Хотя и студено в этих широтах на исходе лета, однако ночи здесь такие же белые, как в родном, оставленном далеко позади Ленинграде...

Сегодня день, когда с бездельем покончено. Аврал на судне. Все «боеспособные», без оглядки на чины и должности, на физическую форму и рост, все свободные от нарядов и дежурных смен — все на перегрузке угля. Да и совесть не позволит никому отлынивать, отсиживаться в темном углу. Большинство на борту знают друг друга не первый год, коллектив закаленный, сколоченный прошлогодней экспедицией.

Яшка спрыгнул на деревянный помост внизу. Брезентовая роба его грубо топорщилась, будто окунули ее в прорубь и дали повисеть минуту на крепком морозе. Угольная пыль скрипела на зубах, щекотала ноздри, порошила глаза. Платок, намотанный на лицо, стал черным и влажным от дыхания. Пыль соединялась с потом, разъедала кожу. Чесалось в подмышках, между лопаток, в паху. Шею натер грубый воротник робы.

По стенам угольного трюма висели прозрачные плафоны, из них лился приглушенный угольной порошей электрический туман. Брикетов с антрацитом оставалось еще много. Яшка на бегу следил за «интеллигентными профессиями», пытался приметить подкосившуюся ногу или жалобный взгляд, понимал, что и у них зудит и чешется, выламывает спину от тяжести, и ждал момента, чтобы подхлестнуть уставшего бедолагу метким словцом.

Ученые труженики покорно подставляли спины под мешки, упорно и невозмутимо шли по сходням наверх, может, только меньше прыти было в их движениях. Они, в отличие от молодого Яшки, ничего никому не пытались доказать.

На плечи Яшке опустили угольный мешок, следом за ним подставил спину для своей порции столичный корреспондент. Был он немногим старше Яшки, всего каких-то лет на пять, и хоть воспитывался в иных условиях, но возраст брал свое: за короткий срок они успели сойтись, почти сдружиться.

— Как настроеньице, Боря? — бросал Яшка через плечо, едва повернув голову.

— Вашими молитвами, господин Кудряшов, — сдержанно выкрикивал журналист.

— Ну ты, господин Промов, без шуточек! Знаешь же, что я таких обращений не выношу, — неслись просеянные через влажный платок слова.

У Промова обличье тоже прикрывал присыпанный пылью «намордник», и еще плотно прилегли к переносице производственные очки, оберегавшие от железной стружки. За их прозрачными стеклами можно было разглядеть лукавый взгляд журналиста. Он любил подшутить над Яшкой, над его простодушием, над медвежьей теменью этого вылезшего из костромских лесов работяги. Промову нравилось наблюдать, как загорались у приятеля глаза, когда он, глядя на железную громадину ледокольного парохода, осознавал размах и силу этого огромного мира.

Плавание длилось уже не первую неделю, а Яшка не растерял восторженного блеска, не уставал восхищаться широтой человеческой мысли и окружающей их природой. Белыми ночами, опершись на леера, они вместе стояли подолгу у борта.

Яшка задумчиво говорил:

— У нас тоже летом сумерки короткие... За полночь стемнеет полностью, но ненадолго, глядишь, уже снова с восхода сереет, тын из окошка видно... Но такой светлой поры ни разу не было, а тут, видно, всегда так.

Промов прятал ухмылку, свой столичный лоск и образование, простецки заявлял:

— Конечно, Яков, это же полярным днем называется. Солнце полгода не садится, горизонт видишь, как близко.

— Если есть полярный день, так и ночь должна быть, — делал нехитрый вывод Яшка.

— Будет и ночь, — соглашался Промов, — только нам желательно бы не застать ее в этих водах, нам лучше, чтоб мы на время полярной ночи во Владивосток пришли.

Яшка сплевывал в океан, с гарантией в голосе отвечал:

— Это уж ты, товарищ Промов, не беспокойся. Отто Юльевич нас туда быстренько доставит. Зверь, а не мужик!

Промов давно понял, что если не весь экипаж, то значительная его часть верят начальнику экспедиции, как богу, и смотрят на него соответствующе.

ЧЕЛЮСКИН. В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

ше. Вот и Яшка попал под очарование полярного бородача.

Сходни кончились, над головой больше не маячил потолок трюма, ботинки Промова попирали железную палубу. С капитанского мостика свешивалась знаменитая борода, трепал и расчесывал ее холодный ветер.

За авральной перегрузкой угля следило все начальство. Старший над экспедицией — прославленный, облаканный фортуной и властью, обаятельный великан с громовым голосом и недюжинной харизмой. Он — подлинный ученый со степенью — математик, географ, геофизик, астроном, организатор книгоиздания и реформы системы образования, настоящий старый интеллигент, исследователь Памира и Русского Севера, один из основателей и главный редактор «Большой советской энциклопедии», прекрасный организатор и вообще, кажется, нет такой личности, которая бы не ужилась внутри этого советского человека новой формации. Ему все по плечу, его ничто не остановит.

Имя Отто Юльевича Шмидта уже известно половине страны и всему ученому миру. Год назад он проходил этим путем, правда на другом судне, и костяк нынешней экспедиции состоит как раз из тех, кто был с ним в предыдущем походе. Поэтому напрасно ждал Яшка от этих «интеллигентов» слабости или скулежа. Он в свои двадцать лет не пережил и половины того, чего довелось хлебнуть им в прошлогоднюю летнюю навигацию.

Так выпало русским людям — жить в северной земле, так их расселила история и судьба. Потом, став империей, вернутся они на берега родной Балтики и Черноморья, отвоюют у соседей свои законные со времен первых новгородских князей побережья. Не зря переименовали Понт Эвксинский в Русское море, и на четыре столетия оно осталось у многих европейцев и арабов под таким названием.

И Балтика, и Черное с Азовским моря, глубоко врезанные в материковое тело, не решат до конца этот вопрос — Россия, хоть и станет морской державой, но будет сидеть в своих портах с передавленным горлом. Чуть не понравилось соседям — и отрезан русский торговый флот в своем закрытом на замок море, как в чаше, выбраться за пределы ее не может. Да и не эта главная морская беда, а то, что из Одессы или Ленинграда во Владивосток путь долог и затратен: через весь Индийский океан, через половину Тихого, через проливы и чужие земли, порты и базы.

Есть на севере большая и свободная вода, но вся она стянута льдами, и путь этот непроходим... Только не для русских. Прокладывали тут дорогу сначала

ЧЕЛЮСКИН. В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

ла безвестные поморы — отчаянные головы, рыбаки и зверобои, забирались все дальше на север по ледовому океану, пытались найти его край, измерить неохватные мыслью просторы. Не боялись ни слухов, ни суеверий, ни полярных злых ночей величиною в полгода, ни таинственных разноцветных столбов, манящих и сбивающих путешественников с пути, обманывающих синюю стрелку компаса.

Наступали новые времена, прорубал человек себе путь, рассеивал мрак неизвестности, создавал историю, вымарывал на картах белые пятна, ретушировал их чернилами, строил пристани и фабрики, рисовал кромку побережья. Высекали изо льда свои имена: Дежнев, Чириков, Беринг, Челюскин.

Рушились империи и возникали на их обломках новые государства. Скакала по земной коре цивилизация — радиоволной, самолетным шасси, дизельным двигателем. Вместе с достижениями науки и техники появлялись новые способы уничтожения человека, свержение его во мрак Средневековья, заталкивание цивилизации в преисподнюю.

Народы и страны, пережившие четырехлетнюю бойню, задержали дыхание, полагали, что мир, ими подписанный, всего лишь передышка, временное затишье перед еще более страшной битвой. Они искали в космосе и повседневной жизни знаки, указующие на новый апокалипсис.

1933 год был в чередѣ этих магических откровений. В сердце Европы, в обиженной, проигравшей

войну стране, к власти пришел необычный сверхчеловечишка. Корчась на публичных трибунах перед киноаппаратами и тысячными толпами, он без стеснения заявлял о таких вещах, от которых цивилизованное общество покрывалось бледным налетом. Он провозгласил за правило: нет ничего плохого в том, если для счастья своего народа придется уничтожить несколько других народов, ведь они неполноценны, как и американские индейцы, принятые конкистадорами за особый род обезьян и почти стертые с лица обоих материков. Именно этот сверхчеловечишка задал ритм, под который крутилась планета следующие тринадцать лет. На материковой и островной Европе всерьез задумались: а вдруг он и нас завтра объявит неполноценными народами? Придется снова отливать пушки... Видит бог, мы этого не хотели, и уже привыкли перековывать мечи на орала.

В единственной на земном шаре республике победившего пролетариата тоже насторожились — в стане врага прибыло. От сотворения нашей ново-рожденной страны до сих пор поглядывали на нас с опаской: «Что это за страна такая, где правит не тот, кто имеет деньги, а тот, кто пользуется всеобщим уважением? Где это видано, чтобы такие люди могли управлять? Что за дикость давать женщине право голоса на выборах?» Раньше-то хоть была надежда на одну страну, чаша весов там, после окончания мировой бойни, постоянно качалась — то наша рабочая партия верх брала, то ее

сбрасывали, и снова было непонятно, чья возьмет. Теперь ясно, что наших сторонников в этой стране согнул в бараний рог победивший сверхчеловечиска. Он объявил нас самыми главными врагами, мы для него страшнее тех, что лежат на западе от его земель.

Эти-то — за стеной Мажино спрятаться задумали, и те, что на острове своем, как на плавучем авианосце, от них нам особой угрозы нет, только газетная ругань и возмущение, они в драку не полезут. Им хватило, когда они в революцию от нас на пароходах убегали, связываться с нами не станут. А вот эти, которые в прошлый раз четыре года в одиночку отбивались от всех и чуть было не победили, вот от этих самая главная беда, с ними будем рубиться до последней крови. И раз предстоят нам скоро тяжелые битвы, то времени для подготовки все меньше и меньше. Надо осваивать новые пути, месторождения и пространства.

Дорога вдоль северного побережья тяжела, но в несколько раз короче, чем вокруг Индии. С освоением этой дороги открываются огромные перспективы: доставка грузов на Дальний Восток становится более упрощенной, чем по ветке Транссиба; через трассы великих рек становится доступным непроходимое сердце Сибири — алмазы Якутии, золото Колымы, оловянные рудники Чукотки, нефтеносные жилы Ямала. А еще никель, сланец, магний, уголь, ртуть... Дотянутся океанские лесовозы к утопающим в дебрях берегам Енисея и Лены. Все

так необходимое для крепнущей обороны, для вероятного марша в индустриализацию.

Северный морской путь короток, как июньские сумерки в Ленинграде. За два относительно теплых для Заполярья месяца необходимо пройти путь в десять тысяч морских миль: от незамерзающего порта в Мурманске до Берингова пролива. За этим узким горлом между Чукоткой и Аляской океан уже теплый, в отличие от ледовых арктических морей.

Впервые этой дорогой от начала до конца Шмидт прошел в 1932-м, на ледоколе «Александр Сибиряков». Отправляясь в поход, он собрал опытную команду, капитаном был Владимир Воронин, ходивший со Шмидтом на «Седове» за три года до этого в экспедицию по изучению Севера. В тот раз они обследовали Землю Франца-Иосифа, организовали в бухте Тихой на острове Гукера полярную станцию. Во время похода «Седов» установил рекорд свободного плавания в полярных льдах.

На следующий год, летом 1930-го, из Архангельска вышла новая экспедиция и взяла курс на Новую Землю. Руководил опять Шмидт, заместителем его был Владимир Юльевич Визе, ученый с великим багажом северного научного опыта, ходивший в экспедицию с Георгием Седовым, чье имя теперь носило их со Шмидтом исследовательское судно. Еще у Визе был опыт организации спасательной миссии — когда в 1928-м потерпел крушение дирижабль «Италия», но ледокол «Малыгин», на кото-

ром отправился Визе выручать итальянцев, затерло льдами в Баренцевом море, и он выбыл из экспедиции. Визе об этом своем неудачном опыте вспоминать не любил.

Ледокол «Седов» отправился исследовать северную часть Карского моря, куда до этого никогда не заходили корабли. Визе высказал теорию, что там находится неизвестный пока еще остров. Корабль прямым курсом пошел к Земле Франца-Иосифа, оттуда заглянул на Новую Землю и по 79-й параллели проложил прямой курс к Северной Земле. Наконец среди льдов появились разводья, и Визе первым ступил на предсказанную им неведомую сушу. Это была пустынная земля, поросшая лишайниками и гнездовьями птиц, площадью в триста квадратных километров. Были еще открытия и острова, получившие названия Воронина и Исаченко. В предпоследний день августа на Северной Земле открылась полярная станция, среди унылого пейзажа и серых от скудного солнца льдов хлопало полотнище алого вымпела.

И вот в третий поход взял с собой Шмидт испытанного капитана. Воронин был старым морским волком, к тому же еще и природным помощником, в его жилах текла кровь бесстрашных покорителей Севера, русских первопроходцев. Близкий его родственник — Федор Воронин, участвовал в спасении австро-венгерской полярной экспедиции Вайпрехта и Пайера после крушения во льдах их корабля «Адмирал Тегеттгофф» больше полуве-